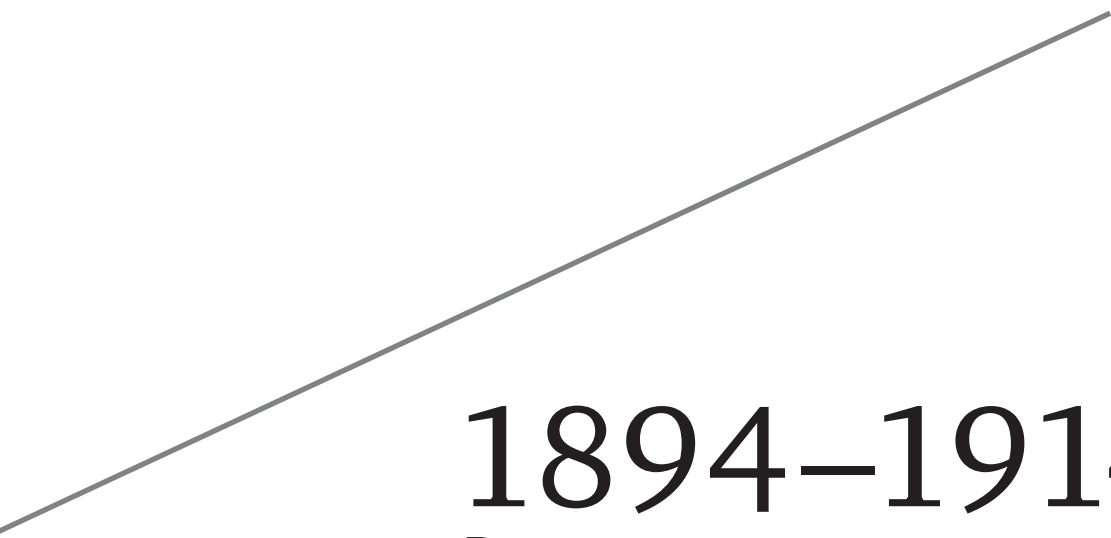

1894–1914

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

УДК 327(470)
ББК 66.3(2)51-6
А11

Рецензенты:

д.и.н. В. М. Безотосный (Государственный исторический музей, Москва);
д.и.н., проф. В. В. Дегоев (МГИМО(У) МИД РФ);
д.и.н., проф. Д. Ливен (Тринити-колледж, Кембридж);
д.и.н., проф. Б. Меннинг (университет Канзаса);
д.и.н., проф. Д. Схиммелпенник ван дер Ойе (университет Брока, Сент-Катаринс);
д.и.н. А. Л. Шемякин (Институт славяноведения РАН);
к.и.н., доц. М. М. Шевченко (МГУ им. М.В. Ломоносова)

Под общей редакцией к.и.н. М. А. Колерова

Айрапетов О. Р.

А11 История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг.: в 4 т. Т. 4. Внешняя политика императора Николая II. 1894–1914. — М.: Кучково поле, 2018. — 768 с.

ISBN 978-5-9950-0847-7

ISBN 978-5-9950-0927-6 (т. 4)

Обобщающий труд известного ученого предлагает системную версию основных внешнеполитических событий истории Российской империи XIX — начала XX века. Четвертый том посвящен внешней политике Николая II до вступления России в Первую мировую войну. Издание основано на многочисленных первоисточниках, снабжено научным аппаратом и именным указателем.

УДК 327(470)
ББК 66.3(2)51-6

ISBN 978-5-9950-0847-7
ISBN 978-5-9950-0927-6 (т. 4)

© Айрапетов О. Р., текст, 2018
© ООО «Кучково поле», макет,
издание, 2018

Содержание

Внешняя политика императора Николая II (1894–1914)

Новый курс на Дальнем Востоке	8
Конец века: Сербия, Болгария, Проливы, армянский вопрос, Крит	29
Стабилизация в Европе — активизация на Дальнем Востоке	83
«Боксерское» восстание и его последствия	104
Начало века: от Балкан до Персии	126
Навстречу войне с Японией	152
Русско-японская война 1904–1905 годов и ее последствия	191
После войны: новый курс в новых условиях	360
1908–1909: аннексионный кризис и его последствия	387

1911: Марокканский кризис и его последствия	423
1911: кризис в Турции и итало-турецкая война	430
Балканский союз: планы и действительность	439
Балканские войны	455
Последствия Балканских войн: Болгария, Албания, Сербия, Греция и Румыния	487
Реформы в Западной Армении, миссия О. Лимана фон Сандерса	497
Накануне австро-германской провокации	508
Сараевское убийство и первая реакция на него	522
Июльский кризис и начало Первой мировой войны.	540
Как начиналась война: реакция общества	577
Заключение	601
Примечания.	607
Именной указатель	745

Новый курс на Дальнем Востоке

В самый разгар японо-китайской войны, 20 октября (1 ноября) 1894 г., скончался Александр III, и на престол вступил последний русский император Николай II. В девять часов вечера известие о смерти императора пришло в Петербург. Москва, в отличие от Северной столицы, приняла эту новость относительно спокойно¹. «Общество казалось спокойным: кончина Александра III, — вспоминал В. А. Маклаков, — сопровождалась проявлением скорби, которого не вызвал даже трагический конец Александра II. Самодержавия никто не оспаривал»². Спокойствие это было все же относительным — на престол должен был взойти 26-летний неопытный и неподготовленный к управлению огромной страной монарх³. «Кто мог предвидеть, — вспоминал великий князь Александр Михайлович, — что Александр III умрет в возрасте 49 лет от роду, оставив незавершенным труд монарший свой и вручив судьбу шестой части мира в дрожащие руки растерявшегося юноши»⁴.

30 октября (11 ноября) с телом императора простилась Москва. Собрались несколько сот тысяч человек. 1 (13) ноября похоронная процессия уже шла по улицам Петербурга мимо войск, построенных шпалерами, мимо толп горожан⁵. Она провожала тело царя в Петропавловский собор. «За колесницей шел молодой царь, — записала в дневнике А. В. Богданович. — У него был худой вид. Скорее, его можно было принять за молодого офицера, чем за русского царя»⁶. 7 (19) ноября 1894 г. состоялось погребение. Многочисленные делегации старались подчеркнуть свое внимание к памяти императора. Особенно выделялись французы. Делегацию возглавил генерал Р. де Буадефр, в нее также вошел вице-адмирал А. Жерве. Французы привезли два вагона траурных венков от президента, членов правительства, городов и департаментов Франции⁷.

Спокойствие империи казалось безусловным. Впервые в XIX в. передача власти новому монарху не сопровождалась ни убийством, ни войной. «На долю России выпало особое счастье, — утверждал «Русский вестник». — Ни с какой стороны обширных владений ей не предстоит ни малейшей опасности. Для укрепления ее государственного и народного блага не предстоит надобности ни в сухопутных, ни в морских вооруженных экспедициях, ни даже просто в угрозах кому бы то ни было. Еще более счастливы мы внутренним спокойствием. У нас немыслимо напоминание войскам их верховным вождем, что они должны быть готовы грудью отстаивать целостность государства от покушений на нее собственных братьев. Никогда подданные русского Царя не доживут до такого позора, и никогда мысль русского Государя не омрачится ужасным призраком отцов и матерей, заколотых своими сыновьями по долгу службы»⁸.

28 октября (9 ноября) 1894 г. министр иностранных дел отправил циркулярное письмо русским представителям за рубежом, заявляя о полной преемственности внешнеполитического курса империи⁹. «В начале славного Царствования, сделавшегося ныне достоянием истории, — писал Н. К. Гирс, — предназначенные цели сводились к осуществлению идеала России, мощной и успевающей для ее собственного блага, а не в ущерб другим. Ныне, на заре нового Царствования, мы с неизменной искренностью объявляем, что будем следовать тем же началам, призывая Благославение Всевышнего на плодотворное и непреложное их применение в течение долгих лет»¹⁰. Внешнеполитическая идиллия стала рушиться первой. 14 (26) января 1895 г. после длительной и тяжелой болезни умер Н. К. Гирс, долгие годы возглавлявший МИД¹¹. После его смерти на пост министра иностранных дел был назначен князь А. Б. Лобанов-Ростовский. Вместе со сменой первых лиц изменились и приоритеты внешней политики России. Молодой император был сторонником создания океанского военного флота и гораздо более активных действий на Дальнем Востоке, где все более и более жесткую позицию занимал Токио. Николай II был готов решительно продемонстрировать свои силу и волю.

Уже 17 (29) января 1895 г. он сделал это в своей речи перед депутациями дворянств, земств, городов и казачьих войск, прибывшими для поздравления с бракосочетанием нового императора. Сильные ожидания либеральных реформ породили адрес традиционно либерального Тверского земства, гласивший: «Мы уповаем, что счастье наше будет расти и крепнуть при неуклонном исполнении закона как со стороны народа, так и представителей власти, ибо закон, представляющий

в России выражение Монаршей Воли, должен стать выше случайных видов отдельных представителей этой власти. Мы горячо веруем, что права отдельных лиц и права общественных учреждений будут незыблемо охраняемы. Мы ждем, Государь, возможности и права для общественных учреждений выражать свое мнение по вопросам, их касающимся, дабы до высоты Престола могло достигать выражение потребностей и мыслей не только представителей власти, но и народа русского. Мы ждем, Государь, что в Ваше царствование Россия двинется вперед по пути мира и правды со всем развитием общественных сил. Мы верим, что в общении с представителями всех сословий русского народа, равно преданных Престолу и Отечеству, власть Вашего Величества найдет новый источник силы и залог успеха в исполнении великодушных предназначений Вашего Императорского Величества»¹².

На приеме в Николаевском зале Зимнего дворца император заявил: «Я рад видеть представителей всех сословий, съехавшихся для заявления верноподданических чувств. Верю искренности этих чувств, присущих каждому русскому. Но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекающихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земств в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его Мой покойный Родитель»¹³. Николай II отметил случившееся в своем дневнике следующим образом: «17 (29) января 1895 г: «Был в страшных эмоциях перед тем, чтоб войти в Николаевскую залу, к депутациям от дворянств, земств и городских обществ, которым я сказал речь»¹⁴.

Речь была немедленно напечатана во всех центральных газетах, а на следующий день Николай II принял еще более многочисленные делегации, и на этот раз все обошлось без громких заявлений¹⁵. Очевидно, состояние императора накануне было причиной того, что вместо слова «беспочвенными» было прочитано (написанный крупными буквами текст лежал в шапке, которую держал в руке монарх¹⁶), а точнее — выкрикнуто «бессмысленными»¹⁷. Вообще, вся речь была прочитана «твердым и довольно суровым голосом»¹⁸. Впечатление того, что император «прокричал речь», было общим¹⁹. По официальному отчету, окончание приема было прекрасно: «Громогласное «ура!» огласило Николаевскую залу»²⁰. Кричали и радовались представители дворянства, выборные от земств в основном хранили молчание²¹. Эмоции, которые последовали, были не столь радужными, но не менее сильными. Встреча была истолкована однозначно: власть объявила оппозиции

войну²². По-другому и быть не могло. Призыв либералов был публично назван монархом глупостью. «Трудно изобразить то волнение, — вспоминал П. Б. Струве, — какое в разнообразных кругах общества произвела произнесенная Николаем II 17 января 1895 г. краткая речь о «бесмысленных мечтаниях»²³.

Вслед за внутренней политикой настал черед внешней. Успех мог способствовать приданию совершенно другого эффекта первым шагам императора. Начала, которые привели к дискредитации монархии и подтолкнули революцию 1905 г., почти пересеклись по времени. Уже 20 января (1 февраля) 1895 г. в Петербурге вновь было собрано Особое совещание по Дальнему Востоку. На этот раз на нем председательствовал генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович. В ходе обсуждения возможных действий была отмечена необходимость подготовки к вмешательству в конфликт с целью ограждения интересов России²⁴.

Временно управляющий МИДом Н. П. Шишкин призывал не торопиться: «...так как Печилийский залив входит более или менее в сферу влияния России, то, само собой разумеется, утверждение японцев на берегах этого залива в портах Артур и Вэйхайвей должно в известной степени затрагивать наши интересы. Но более всего наши интересы были бы задеты, если бы Япония завладела Кореей, чего, впрочем, опасаться пока преждевременно ввиду данных нам японским правительством заверений, что оно не намерено посягать на независимость Кореи»²⁵. Тем не менее точной информации о целях Японии и возможной позиции, которая будет занята Англией, в Петербурге не было, и поэтому было рекомендовано подготовить почву для совместного выступления всех европейских держав в пользу сохранения status quo, если же эта попытка окончится неудачей, то еще раз вернуться к обсуждению возможных действий, а пока ограничиться тем, что «увеличить нашу эскадру в водах Тихого океана до таких размеров, чтобы наши морские силы в тех водах были по возможности значительнее японских»²⁶.

Русская эскадра на Тихом океане имела в своем составе восемь крейсеров обоих рангов, пять канонерских лодок и четыре миноносца. Эти суда были рассредоточены по разным пунктам стоянок. Кроме того, Россию ослабляло отсутствие в этих водах броненосцев, поэтому еще 24 января (5 февраля) 1895 г. кораблям Средиземноморской эскадры во главе с эскадренным броненосцем «Император Николай I» был отдан приказ следовать на Дальний Восток. 6 (18) апреля 1895 г. контр-адмирал С. О. Макаров привел их на соединение с эскадрой Тихого океана²⁷.

Он считался знатоком местных вод, именно им в 1891 г. был подготовлен план действий флота на случай войны. Правда, тогда подразумевалась война с Англией, и обойтись думали исключительно крейсерскими действиями²⁸.

21 февраля (5 марта) 1895 г. на Тихий океан была отправлена инструкция Морского министерства (она была получена на кораблях только 11 (23) марта): «Усиление нашей эскадры в Тихом океане имеет целью поддержать наш авторитет при обсуждении условий мира между воюющими державами. Предсказать трудно, куда поведет нас отстаивание наших интересов на Востоке; во всяком случае нужно держать суда в готовности ко всяким случайностям, с полными запасами. Наметьте себе порт Корейского архипелага или Китая как базис при надобности сосредоточить эскадру, не подавая повода раньше времени другим державам предугадать намеченный вами порт, держа ваши предположения в строжайшем секрете от ваших подчиненных»²⁹.

К тому времени японцы полностью овладели инициативой в ведении военных действий. После разгрома при Ялу китайский флот укрылся в Люйшунью (Порт-Артуре) и перестал быть угрозой для японских военных перевозок на континент³⁰. Оставшийся броненосец «Чин-Иен» получил 200 попаданий, но ни один из снарядов не преодолел защиты. 14-дюймовая германская броня показала весьма хорошие результаты. Тем не менее основная ударная сила китайского флота практически вышла из строя³¹. Порт-Артур был выбран в качестве основной базы для военно-морских сил империи Цин немецкими инструкторами в начале 80-х гг. XIX в., к началу 90-х гг. он получил весьма серьезные укрепления береговой линии и считался неприступным с моря. Подступы с суши были слабо защищены³², солдаты гарнизона плохо обучены, их вооружение было весьма разномастным — от устаревшего до современного. У пехоты имелось семь разных систем винтовок³³.

Остатки китайского флота уже не пытались помешать действиям японского флота и были уведены в Вэйхайвэй, где и оставались до конца военных действий³⁴. 3–4 ноября 1894 г. японский десант высадился на Квантунском полуострове и уже 5 ноября овладел воротами на Квантун — перешейком и городом Цзиньчжоу³⁵. При штурме японцы потеряли всего 17 человек³⁶. На следующий день пал Талиенвань — небольшой городок в 20 милях от базы китайского флота. С началом войны ее сухопутный фронт активно укреплялся, но сделать все необходимое не удалось³⁷. Бухта Талиенваня оценивалась экспертами как идеальное «место для высадки и операционная база» для армии, осаждающей

Порт-Артур³⁸. 21 ноября 1894 г., после пятичасового штурма, японцы овладели этой крепостью³⁹. Японская армия потеряла всего 400 человек, китайцы — около 4 тыс. человек. Столь большая разница объяснялась тем, что захватившие город солдаты обнаружили расчлененные тела пленных японских солдат, после чего устроили резню. В течение трех дней победители грабили, жгли и убивали, не щадя ни женщин, ни стариков, ни детей⁴⁰. Тела уничтоженных китайцев были позже кремированы — командование опасалось распространения эпидемий⁴¹.

После падения Люйшунькоу японское командование приступило к подготовке экспедиции на Шаньдун. Для этого нужно было время. Японский торговый флот имел 179 паровых судов водоизмещением 88 838 тонн и 260 парусных водоизмещением 159 085 тонн. Токио не мог одновременно обеспечивать потребности метрополии, армий, действовавших на континенте, и организовывать масштабные десанты⁴². 10 января 1895 г. 25-тысячная армия была отправлена из Хиросимы на 50 транспортах. Десант шел уже без охраны военных кораблей, китайского флота японское командование не опасалось. 14 января 1895 г. десант подошел к Квантуну, а оттуда транспорты взяли курс на Шаньдун. 20–22 января 1895 г. японская армия высадилась на полуострове⁴³. 2 февраля начался штурм Вэйхайвэя. Крепость была построена в 1889–1894 гг. и вполне прилично укреплена: сухопутный фронт прикрывали 10 фортов-казарм, морской — 15 батарей. Европейские инженеры построили также два электрических маяка и снабдили батареи четырьмя прожекторами. Все это практически не было использовано гарнизоном⁴⁴. 12 февраля 1895 г., после нескольких дней ускоренной осады, крепость была взята, остатки китайского флота перестали существовать. Два броненосца, два крейсера и 12 миноносцев оказались потоплены, 10 крупных судов (броненосец, броненосный крейсер, крейсер, минный крейсер и шесть канонерских лодок) и большое количество малых перешли в руки победителей. Китайский адмирал Тинг (Дин) и офицеры его штаба совершили самоубийство. Японцы потеряли миноносец⁴⁵.

Успехи армии и флота микадо не ограничивались этими победами. Японцы заняли не только значительную часть Южной Маньчжурии, но и острова Пэнхуледао и Тайвань. Китай был быстро разгромлен, а ресурсы его противницы были далеко не исчерпаны. Для войны Япония мобилизовала шесть дивизий, но к началу 1895 г. отправила на континент только пять из них, то есть 75 тыс. человек⁴⁶. В 1886 г. население островной империи насчитывало 39 млн человек (из них 3,5 млн горожан)⁴⁷. Через девять лет оно выросло до 41 122 899 человек, а число

молодых ее подданных, достигших призывного возраста и признанных годными к несению военной службы, в 1893 г. равнялось 248 429 человек, в 1894 г. — 248 424 человека, в 1895 г. — 241 913 человек, в 1896 г. — 286 637 человек⁴⁸.

В отличие от своего противника китайцы практически не имели обученных резервов. В результате Пекин был вынужден признать свое поражение и пойти на переговоры, которые начались в японском городе Симоносеки. 19 марта 1895 г. сюда на германском пароходе прибыло китайское посольство во главе с Ли Хунчжаном. Переговоры шли без особого успеха. 23 марта японцы приступили к высадке десантов на Пескадорские (Пэнхуледао) острова и к концу месяца заняли их. Это было сделано несмотря на то, что 24 марта, после покушения японского националиста Т. Коямо (Рокуносукэ) на главу китайской делегации, микадо согласился на перемирие⁴⁹. 25 марта он даже издал указ, запрещающий своим подданным любые акты, которые могли бы повредить достоинству империи. Но формально перемирие сроком на три недели было заключено только 30 марта 1895 г. Переговоры вскоре возобновились, еще до их начала правительство Японии получило информацию о возможном посредничестве со стороны европейских держав и потому имело все основания торопиться⁵⁰.

Еще на заседании совета Гэнро⁵¹ 27 января 1895 г. в Хиросиме премьер-министр маркиз Х. Ито заявил: «Если мы огласим наши условия мира, мы не можем быть уверены, что это не вызовет вмешательство держав извне. Оно почти неизбежно, но мы не можем быть уверены, какую форму оно примет, и застраховать себя и предупредить его»⁵². О том, насколько в Токио не представляли себе, откуда можно ожидать неприятностей, можно судить по тому, что японский МИД начал консультироваться с русским посланником в Японии М. А. Хитрово о возможных действиях в случае вмешательства со стороны Великобритании⁵³.

В этом не было ничего необычного — с конца 60-х гг. XIX в. в Японии установилось сильное недоверие к Англии. Держава, обладающая мощнейшим военным флотом, легко могла стать угрозой для японских берегов. Кроме того, в Англии уже в 1890-е гг. начали раздаваться голоса, призывающие задуматься о возможной угрозе британским интересам на море со стороны новой силы на Тихом океане⁵⁴. Казалось, ничто не свидетельствовало об угрозе со стороны северного соседа — представитель Петербурга сразу согласился с присоединением к островной империи Тайваня⁵⁵. Между тем именно Россия и стала центром вмешательства в урегулирование японо-китайского конфликта.

в деревне Загоричаны, большая часть населения которой была вырезана греками, в ответ на что по Болгарии прокатилась волна греческих погромов и захватов церквей, находившихся под омофором Константинопольского патриарха. На улицах болгарских городов с греческим населением появились объявления с запретом говорить по-гречески¹⁷⁶. С 1904 по 1908 г. в Македонии шла настоящая война греческих арматов и болгарских комитаджиев. Каждого из ее участников с условной долей маскировки поддерживали собственные национальные правительства, снабжавшие отряды повстанцев оружием, боеприпасами и деньгами. Подобного рода действия ставили под угрозу перспективу мира на Балканском полуострове. Тем не менее Мюрцштегское соглашение позволило закрепить отношения с Австро-Венгрией во время Русско-японской войны секретной декларацией о взаимном нейтралитете. Она была подписана 2 (15) октября 1904 г. в Петербурге. Договор гарантировал нейтралитет в случае «неспровоцированного» конфликта с третьей державой вне Балканского полуострова. Он должен был оставаться в силе до тех пор, пока Вена и Петербург будут придерживаться «согласованной политики в делах Турции»¹⁷⁷.

Навстречу войне с Японией

«**М**огущество России значительно превосходит могущество Японии, — писал в апреле 1896 г. С. О. Макаров, — но на Дальнем Востоке нам трудно иметь столько же сил, сколько у наших противников»¹. Эта достаточно очевидная мысль вовсе не была очевидной для императора. С середины 1903 г. на внешнюю политику Николая II все больше стал оказывать влияние кружок отставного ротмистра гвардейской кавалерии А. М. Безобразова, возведенного в звание статс-секретаря. «Безобразовцы» инициировали безответственную авантюристическую политику в Маньчжурии и Корее. Эта политика, по мнению А. М. Безобразова, должна была спасти Сибирь от расхищения природных богатств иностранным капиталом, а Россию — от войны с империей микадо. Он предлагал: 1) усилить русские военные силы в Приморье; 2) занять доминирующее положение в Корее; 3) ускорить завершение Транссибирской магистрали; 4) «учредить нечто новое — «Восточно-Азиатскую промышленную компанию» для того, чтоб торговаться с Японией на коммерческой почве»². Корея привлекала его возможно-

стью проводить фактически ничем не ограниченный лесной промысел, качеством леса (75% лиственницы, 15% ели и пихты, 6% кедра и только 4% лиственных пород), объемом поставок (20 тыс. пиловочных бревен с концессии Бринера и до 700 тыс. — общий вывоз по Ялу) и наличием дешевой рабочей силы³. При этом остается непонятным, на какой коммерческой почве предполагалось договариваться с дальневосточным соседом, который отнюдь не собирался делиться с кем бы то ни было своим влиянием на Корейском полуострове.

6 (18) мая 1898 г. Николай II распорядился выделить на покупку концессии на пограничной между Китаем и Кореей реке Ялу 70 тыс. рублей, и через день она была приобретена. Вслед за этим последовали гигантские планы использования природных ресурсов севера Кореи, в том числе и с привлечением сил армии⁴. К тому же без ведома высшего ее командования, которое было не в восторге от этих проектов. Военный министр А. Н. Куропаткин 1 (14) декабря 1902 г. в разговоре с А. М. Безобразовым решительно выступил против его предложений. «Я ответил Безобразову предостережением, — отметил генерал в своем дневнике, — что такой образ действий навлечет на нас только позор. Относительно Кореи я настоятельно указывал, чтобы там мы возможно менее поселяли русских людей. Что мне всего опаснее представляется то положение, когда наших людей начнут резать и потребуются первоначально небольшие экспедиции, и потом вспыхнет война с Японией»⁵. И все же «безобразовцы» действовали. Когда в марте 1903 г. контр-адмирал А. М. Абаза известил военного министра А. Н. Куропаткина о желании Николая II увеличить количество солдат в районе реки Ялу с 300 до 600, тот удивился, так как не знал, что там вообще есть русские солдаты. Переодетые в китайское платье нижние чины должны были рубить лес, оружие хранилось скрытно, на подводах. Вице-адмирал Е. И. Алексеев отказал в этой просьбе — на территорию концессии было направлено только 40 запасных⁶.

А. Н. Куропаткин вообще крайне негативно относился к планам активизации в Маньчжурии. 15 (28) апреля 1903 г. он выехал с инспекционной поездкой на Дальний Восток. 26 мая (8 июня) генерал с сопровождающими его лицами на крейсерах «Аскольд» и «Новик» отбыл в Японию⁷. 27 мая (9 июня) 1903 г. он записал в своем дневнике: «Безобразов все старается об организации эксплуатации богатств Маньчжурии. Но стоит ли это дело ставить для России превыше всего? Наша Россия, Кавказ, Сибирь еще полны огромными естественными богатствами, и все это лежит пока без движения за не-

достатком знания, энергии и капитала. Мы недостаточно культурны, чтобы воспользоваться богатствами, лежащими у нас под носом, а нас призывают отвоевывать у иностранцев богатства в Маньчжурии. Кому это нужно? России? Совсем нет. России много дела и у себя дома, и много задач предстоит решить, и задач тяжких, кои много важнее «лесного предприятия на р. Ялу». Кому же тогда пойдут на пользу эти предприятия? Небольшой кучке людей, которые будут основывать предприятия или на казенные, или на иностранные деньги»⁸. Эти оценки полностью оправдались. А. М. Безобразов, обещавший в 1903 г. доход от концессии на реке Ялу в 5 млн рублей и в 1904 г. в 10 млн рублей, смог к концу 1903 г. обеспечить лесом только один пароход, а так как их было зафрахтовано два, то для второго пришлось покупать лес в Америке⁹.

Русская политика в этот момент была едина только в одном — в географической своей направленности на Дальний Восток. Единства во взглядах на нее не было ни в Петербурге, ни на далекой окраине империи. Е. И. Алексеев, по свидетельству дипломатического комиссара своего штаба, считал необходимым сосредоточиться исключительно на Маньчжурии. «По мнению Алексева, — вспоминал И. Я. Коростовец, — лучшим способом обеспечения нашего положения в Маньчжурии было бы соглашение с Японией, ибо лишь с этой стороны мы встретим серьезное противодействие. Это соглашение или дружественный нейтралитет Японии могли быть достигнуты уступками в Корейском вопросе. Рано или поздно, говорил Алексеев, мы эти уступки сделаем, но это будет под давлением и без всякой для нас выгоды. Он кипятился, обвиняя Петербург в сознательном игнорировании фактов и пренебрежении его мнением»¹⁰. Понятно, что все это приводило к разному в действиях. Активизацию русских действий в Корее не могли не заметить японцы.

Уже в первой половине 1902 г. они заняли господствующее положение в этой стране. Япония имела небольшие (по одной — две роты) гарнизоны в Сеуле, Пусане и Вонсане (которые в случае необходимости легко могли быть увеличены до размеров полка — 1500 человек при пяти орудиях за счет мобилизации проживавших поблизости японцев), владела железными дорогами Сеул — Инчхон (38 км), Сеул — Пусан (550 км), контролировала 39 маяков на побережье. 72% внешней торговли Кореи приходилось на Японию, в 1900 г. около 80% всех импортированных в Корею товаров было ввезено на японских судах. Даже в приграничной с Россией Северной Корее влияние Японии можно было уже назвать преобладающим. В среднем в 1898–1902 гг. в открытые северокорейские порты приходило

32,8 русских судна в год (7,5% ввезенных грузов) против 539,6 японских (66,9% ввезенных грузов)¹¹.

Даже замедление эвакуации русских войск из Маньчжурии вызвало в Японии сильнейшее раздражение. 21 апреля 1903 г. на вилле Муринья в Киото, принадлежавшей маркизу А. Ямагате, было проведено совещание высшего руководства Японии. Его участники пришли к соглашению по следующим пунктам: 1) в случае невывода русских войск из Северо-Восточного Китая заявить протест; 2) воспользоваться обострением маньчжурского вопроса для того, чтобы начать с Россией переговоры по корейскому вопросу; 3) добиться от Петербурга безоговорочного признания преобладающих прав Японии в Корее; 4) с целью окончательного решения проблемы признать взамен уступки по Корее преобладающие права России в Маньчжурии. Итак, в ходе совещания была принята программа «Манкан кокан», то есть «Маньчжурия — за Корею», активным сторонником которой был участник совещания маркиз Х. Ито. Именно вслед за принятием этого решения в Токио узнали об активизации русских на реке Ялу, что произвело самое тяжелое впечатление на сторонников соглашения с Россией и ободряющее — на тех, кто считал столкновение неизбежным¹².

28 мая (10 июня) 1903 г. Японию посетил русский военный министр. А. Н. Куропаткин за день до прибытия в Симоносеки, откуда начинался его визит, окончательно сформировал свое мнение по дальневосточной политике: «Силы и средства России уже тяжко напряжены. Если мы даже без войны вновь затратим большие силы и средства на Дальнем Востоке, то будем в силах это сделать, только одновременно ослабляя себя на западной границе. Это будет игра в руки врагов наших. Если дело дойдет до войны, то нам придется вести ее при очень большом напряжении сил наших. Даже победоносная война ослабит нас надолго на западной границе. Даже победоносная война может нам дать самое большое — Корею. Это новое владение, быть может, и неизбежно необходимое для России через 50–75–100 лет, ныне явится для нас тяжелой обузой, потребует огромных жертв и послужит на долгие годы яблоком раздора между нами и Японией. Несомненно, даже побежденная Япония при первой возможности (например, при европейской войне) нападет на нас в Корее и будет в лучшем нас положении относительно близости своей базы, сосредоточения всех своих сил и средств»¹³.

Визит прошел благополучно, А. Н. Куропаткин был принят микадо, встречался с высшими командирами японской армии, которые произвели на русского генерала серьезное впечатление. Не исключением была и японская армия: «...я без ложного стыда могу признать, что

виденные мною японские выдающиеся генералы не хуже наших. Осторожнее признавать японскую военную силу по своим достоинствам равную европейской. При обороне наш батальон может противиться двум батальонам японским. Но при наступлении и нам надо рассчитывать двойные силы. Японцы не хуже турок и в отдельных случаях могут создать нам новые Дубняки и Плевны, где и пять-шесть русских воинов при неумелом руководстве ими не могли одолеть одного турка, сидевшего в самых невинных окопах... Очень важно, чтобы наши войска не понесли в начале кампании частных поражений. Это подняло бы дух японской армии и всего японского народа на большую высоту. При вторжении нашем в Японию там нас встретит народная война. Японцы — горячие патриоты, мужественны и в своих школах ведутся ныне в военно-патриотическом направлении»¹⁴. Во время переговоров японскими военным министром и министром иностранных дел А. Н. Куропаткину было ясно высказано пожелание Токио признать Корею сферой преимущественных интересов Японии. В то же самое время японцы демонстрировали готовность признать особые интересы России в Маньчжурии¹⁵. 17 (30) июня А. Н. Куропаткин покинул Японию, отправившись на тех же крейсерах в Порт-Артур¹⁶. Из своего визита он вынес твердое убеждение: «Основанием своих действий на Дальнем Востоке в эти годы надо положить поддержание мира с Японией»¹⁷. Пробыв в Порт-Артуре до 1 (14) июля, военный министр отправился в Харбин и 15 (28) июля 1903 г. вернулся в Петербург¹⁸.

В целом он был доволен увиденным, возможности русских войск на Дальнем Востоке (к этому времени вместе с пограничной стражей их насчитывалось около 115 тыс. человек) генерал оценивал достаточно высоко: «В результате можно с отрадным чувством отметить, что войска Дальнего Востока успешно воспользовались недавним боевым опытом и ныне под руководством своих доблестных и авторитетных высших начальников продолжают с успехом совершенствоваться в деле боевой подготовки. Молодые войска Приамурского округа и Квантунской области с честью могут выдержать какое угодно боевое испытание»¹⁹. Столь высокие оценки имеют довольно простое объяснение.

Интересы министра притягивал не Дальний Восток. Вернувшись в Петербург, он отправил генералу М. И. Драгомирову письмо, в котором сообщал, что во время поездки во Владивосток и обратно его все время беспокоил вопрос о возможности войны на западном фронте и что он, пользуясь тем, что с ним была карта Австро-Венгрии, планы окрестностей Львова и Перемышля и описание Австро-Венгрии, состав-